

свое значение и сам знак «толерантность», в пределе для некоторого сообщества он вообще может совпасть со знаком «война». Таким образом, для толерантности, в качестве возможного и необходимого способа ее существования, основанием является такая ситуация, когда ее знаком может оказаться любое слово или когда, наоборот, для нее нет слов. Рассеяние толерантности должно привести к обнаружению предела в каждой сингулярности.

А. В. Шуталева
Екатеринбург

АНАЛИТИКА ВЛАСТИ М. ФУКО: ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В своих работах М. Фуко показывает, что Власть пронизывает все «клеточки» социальной реальности, именно она ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ не только к телу индивида, но к его «душе», *оформляя саму плоть человека*, оставляя на нем свои метки, тем самым отводя определенное место в социуме каждому человеку. Это дает возможность осуществления дискурса «знания-власти» в познании тела, *особого знания тела, особой технологии захвата*, через которую Власть порождает Реальность — *Реальность, подчиненную логике Нормы-Желания*, проявляющуюся прежде всего через *Язык*, через оформление особых *дискурсивных практик* не только говорения, но и самого *тела*. Поэтому социальное пространство рассматривается прежде всего как результат реализации властных стратегий, кодификации визуальных и вербальных практик, механизмов обозначения социального бессознательного.

М. Фуко под словом «Власть» понимает прежде всего *множественность отношений силы*, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конституированы для ее организации, *стратегии*, внутри которых эти

отношения силы достигают своей действенности¹. *Власть* предстает как *политическая экономия*, формирующая решетку наблюдения,— наблюдения за всеми со-стояниями индивида, она же и *предписывает* ему правильные действия и места нахождения. М. Фуко отмечает, что при этом *Власть функционирует как призывной механизм* — она притягивает и извлекает те странности, за которыми неустанно следит. *Власть преследует удовольствие, но удовольствие распространяется на преследующую его Власть*.

Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание. Средства принуждения делают видимыми тех, на кого они воздействуют, но про-являют и само место Власти, ведь говорить друг с другом означает выявлять в себе и другом обговариваемое, то есть *выводить его собою на свет* (М. Хайдеггер). Власть «закрепляет удовольствие, которое она только что выгнала из его логова»². Она *производит Норму, но оформляет ее за счет не-Нормы* — *Власть нуждается в Ином по отношению к Норме, поэтому постоянно производит и вос-производит со-стояние не-Нормы*.

Власть, таким образом, становится одновременно воплощением принципов тоталитарности и толерантности, как ни парадоксально это звучит. Для себя самой Власть положительно разрешает проблему со-существования различных способов жизни и миро-интерпретаций, она допускает существование *Иного* — и в этом смысле она толерантна. С латинского языка термин «*tolerantia*» переводится как «терпение», «терпимость» и является связанным с глаголом «*tolerare*» — «нести», «держатъ», «терпеть». В Античности подчеркивался тот момент, что *tolerantia* — это активное действие, выдержка, и относится более к силам души, нежели тела. Поэтому вопрос о толерантности, начиная с Античности, ставится как тема терпимости,— терпимости

---

¹ Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1 // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 192.

² Там же. С. 144.

по отношению к *Другому*, принятие *Другого*, его инаковости по отношению к *Себе*.

В современном понимании термин «толерантность» является созвучным термину «плюрализм», который основывается на уважении автономии другого и допущении множества способов его легитимации. В основании «плюрализма» лежит установка, согласно которой на каждый вопрос существует несколько взаимоисключающих и противоборствующих ответов. Из этого положения выводятся правила и способы разумного разрешения теоретико-познавательных конфликтов между различными интерпретациями мира и пути решения практических споров в сферах политики, экономики и религии, ибо «толерантность» *«означает деятельное допущение существования другого даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование»*¹.

Феномен толерантности как юридическое явление получает *нормативное измерение* и является признанием существования множества познавательных подходов и множества символических систем в структуре общества, закрепленным на государственном уровне. Но, формируя места, саму пространственность, Власть оформляет повседневную жизнь вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего, *образуя фокус моего внимания и моего видения*. Представая как интересубъективный мир, мир, который я разделяю с другими людьми, Власть в повседневности *задает определенную практику восприятия Другого* как тип и такую ситуацию взаимодействия с ним, в которой прочтение меток и следов, оставленных на *Мне* и на *Нем* Властью, задает логику со-в-местности, то есть логику некоторого пространства, которое понимается особым образом: Власть вводит человека в однородное, прозрачное пространство, в силу того, что оно наполнено определенными смыслами, символическими по своему характеру про-явления, отсылающими к самой Власти. Власть вездесуща, «потому что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее,— в любом

---

¹ Хомяков М. Б. Проблема толерантности в христианской философии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 105.

отношении от одной точки к другой»¹. Она повсюду и отовсюду исходит.

Осо-знание «внешней реальности» требует от человека убедиться в собственной замкнутости, в том, чтобы эта замкнутость длилась, несмотря на то, что *узнается замкнутость уже разрушенная. Другой* явлен нам как способ нашего присутствия в мире, как горизонт и наших желаний, и нашего тела. Рефлексия относительно себя вызывается, в первую очередь, тем или иным отношением ко мне другого человека, и является «зеркальной» реакцией по отношению ко мне этого *Другого*, Диалогом, процессом со-творчества — совместного творения самих себя в мире общения. Субъекты диалога находятся в ситуации взаимопроникновения, но через *Другого Я* проникает и в себя — это ситуация двух наведенных друг на друга зеркал (М. М. Бахтин): познание *Другого* ведет за собой познание *Себя* и, наоборот, в *Себе* мы видим *Другого*. *Я* выступает как *Я-Другой*, как диалог *Себя* и *Другого*. Само творение может быть только творением *Другого, Другого во Мне*, письмом, которое не определено системой общественных отношений как судьба, анатомия, как застывший текст с неизменяемыми смыслами: *Я* само является как воплощение *Других*, проявление текстов, как мнимая субъективность и недостижимая завершенность.

Нет ничего существующего вне текста (Р. Барт), сам *Мир предстает как текст*: господствует со-стояние «лицом-к-лицу», ситуация близости, переживаемая человеком в ситуации нахождения «бок-о-бок», то есть в определенном единстве взаимодействующих тел, которые занимают по отношению друг к другу определенные считываемые позиции, или позы, чьи «действия, как и книги, являются произведениями, открытыми множеству читателей»².

Осуществляя универсальный контроль, Власть постоянно разделяет индивидов по принципу «*нормальное и ненормальное*». Существенными в определении Нормы являются

---

¹ Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. С. 193.

² Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: Ин-т философии РАН, АО «Kamī», Akademia, 1995. С. 18.

следующие моменты¹. *Социальные нормы* — это повторяющиеся и устойчивые общественные связи, возникающие в процессе деятельности людей по обмену материальными и духовными благами и выражающие потребность социальных систем в саморегуляции. *Норма* относится не только к про-явлению в сфере *общественного*, она контролирует и сферу *интимного*, она не только отмечает, она же и диктует, задает не только способы про-явления и говорения, но тем самым и онтологические основания жизни человека в обществе — происходит захват на уровне семантики, на уровне языка, ибо «*границы моего языка означают границы моего мира*»².

Язык задает логику мышления, в данном случае мышления в логике дискурса *Желания*, в рамках которого тело индивида становится «украденным», ибо ставит его в позицию *отношения* к собственному телу, а не *про-явления* в нем. Тело всегда было «украдено», Власть лишает нас нашей собственной природы, нашего рождения, *внедряется между нами и миром*. Следовательно, все попадает под взгляд Власти. Это становится возможным не только через пристальное наблюдение, но, как показывает М. Фуко, и через *создание определенной плоти индивида*: собственная *телесность* предстает как *ускользающая* от точного определения, тело одновременно раскрывает и скрывает свое место, на нем нет однозначности меток, которые ставила Власть в XVII—XVIII веках, ибо она притягивает, извлекает, делает видимым то, за чем следит, уже не столько с помощью материальных пометок на теле, сколько делая понятными и предугаданными действия человека через подчинение логике Вожделения и Желания, Желания и Забвения, *производства* Желания и *осуществления* этого Желания,— всего того, что является результатом *желания людей жить вместе* (Ханна Арендт), формирующим некую общую силу, определимую через стратегию Власти.

Знаки Власти надписываются на теле человека, на теле

---

¹ См.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. ред. В. С. Нарцесянца. М.: Норма, 2001. С. 200.

² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Философские работы: В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 56.

его сознания, на теле его Желания, задавая Норму через простроенный определенным образом дискурс, скрывая свою власть, но вместе с тем входя в глубинный слой человеческой психики. Через конфигурации и позиции тел, подчиняющихся технологии размещения, удваивающей пространство, создается мир *Симуляции*, прозрачный мир, который полностью выражает властные тактики и стратегии.

Человек, подчиненный власти Желания, теряет само Реальное. *Пространство Желания* — это пространство *Симуляции*, которую Ж. Бодрийар определяет как «порождение при помощи моделей реального без истока и реальности», то есть Гиперреального. Совпадение всего реального с моделями симуляции в сознании человека приводит к тому, что исчезает самое существенное — различие между Симуляцией и Реальным. Поскольку устраняется всякая соотносительность, уничтожаются все референты, постольку становится бессмысленным говорить об «удвоении», об «имитации», о «копировании»¹. Гиперреальность — это мир абсолютной, идеальной Подделки, мир, где технология может *сделать «реальность» лучше*, чем природа и история, ибо реальность Повседневности не так привлекательна и безукоризненна. Фантазмы, образы, симуляции — это мир удвоения, который не произведен от Бытия. Мегаметафора Диснейленда (как и миры виртуальной реальности) предстает как аллегория всего общества потребления, место тотального наблюдения, пассивного подчинения Желанию, как и посетители, которые должны вести себя подобно роботам, населяющим этот парк.

Творение человека, его «двойник», оказывается *трещиной*, зазором, отделяющим его от самого рождения, но и *забвением этого разрыва* — скрадыванием самого скрадывания, но при этом условием самого движения скрадывания. Власть закрепляет Желание. Желание, как и болезнь, которая прояснялась, про-являлась в теле под взглядом врача, становилось Желанием, обретало свое лицо под взглядом Власти, ибо «лицо является лицом, только встречаясь

---

¹ Бодрийар Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Мн., 1996. С. 34.

с другим лицом к лицу»¹. Желание не могло стать желанием без этого взгляда. Поэтому церемонии, знаки и ритуалы, через которые происходило «удвоение тела» суверена, проявление избытка его тела, становятся бесполезны. Меняется семиотика механики Власти — она уже не то, что «удваивает» тело, является через конкретного носителя, и не то, что наказывает, контролирует и определяет место человека через клеймение его тела, но то, что *проникает в самого человека, присутствует в нем повсюду, становится его внутренним и активным принципом, его особой природой*. М. Фуко показывает, как Власть создает новую душу — новый элемент, в котором соединяются и выражаются проявления определенного типа Власти и предметная область определенного знания о человеке, и новый механизм, посредством которого отношения власти порождают возможное знание, которое, одновременно, распространяется и укрепляет воздействия самой Власти.

Присутствие в сознании Слова — это след Другого (Других) во Мне, в моем сознании, которому неизвестно, кто говорит, поэтому является бессознательным, в котором Я слышу Других и подчиняюсь особому говорению. Человек оказывается втянут в языковую игру; вслед за Л. Витгенштейном ее можно определить как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен»², то есть «говорить на языке» — значит *принять форму жизни*, в данном случае отражающей логику Желания и Забвения. Если человек не кодифицируется в соответствии с социальной нормой как желающий, то он *попадает в место забвения*, как и действующий не в соответствии с Нормой для осуществления «своего» желания, или тот, кто не подходит под определение Нормы — *безумный*.

Но о Безумии можно говорить лишь по отношению к тому «другому повороту безумия», который позволяет людям «не быть безумными», то есть по отношению к Разуму. М. Фуко хотел написать историю самого Безумия, то есть не историю

---

¹ Деррида Ж. Насилие и метафизика // Письмо и различие. М.: Академический проспект, 2000. С. 152.

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 83.

психиатрии, а самого *Безумия* в его жизненности до всякого захвата знанием. При этом он *удерживается на пределе* — пределе уничтожения и обличения традиции, живущей в различении и отчуждении, и одновременно на пределе выражения собственных текстов в законе сознательного различия, в письме, в трансляции смыслов на языке объективации.

Весь европейский язык определяется М. Фуко в виде захвата и объективации *Безумия*. Психиатрия — это лишь один из посланцев *Порядка*, один среди многих. У *Разума* и *Безумия* классической эпохи некогда был *единый корень*, они со-существовали в диалоге, который был прерван в конце XVIII века: через захват всего языка и права на язык психиатрическим разумом, этим избранником общественного и государственного разума, *слово Безумия было оборвано*. В точке разрыва между *определенным Разумом* и *Безумием* возможно освобождение *Логоса*, который предшествовал этому разрыву, можно подойти к началам оборонительного движения *Разума*, стремящегося спрятаться в убежище и выстроить самого себя в качестве зрителя за сумасшедшими.

Разделение *Логоса* на *Разум* и *Безумие* М. Фуко обозначает как *начало истории* — необходимость *Безумия* связана с *возможностью истории*, ибо *Разум* всегда являлся *историей фигур*, но никогда не *историей начала*. *Безумие* — это *Другое Разума*, *Другое* самого *Cogito*, это «отсутствие произведения». До произведения *Cogito* является *Безумием*, поэтому он стремится *весь Мир превратить в Произведение, в Текст*, ибо Смысл, Норма Разума получает гарантии на существование только в том случае, если становится Произведением, если начинает царствовать *как конечная мысль*, как история, отрицающая возможность перемещения *Разума* и *Безумия*, отвергающая *Логос* их свободного обмена (в средние века безумцам разрешалось переходить из города в город).

Язык психиатрии — монолог *Разума* о *Безумии* — мог устояться лишь *на молчании Безумия*. Через всю книгу М. Фуко об истории *Безумия* проходит тема, связывающая *Безумие* с *Молчанием*, со «словами без языка» или «без говорящего субъекта», с упорным бормотанием некоего

языка, который говорил бы сам по себе, углубленный сам в себя, без говорящего субъекта и собеседника. В Археологии *Молчания* воссоздается *юридическое пространство запрета*, которое не могло стать таким, какое мы наблюдаем, без своего *Другого* — *со-стояния Безумия*. **Разуму необходимо Безумие**, чтобы определить себя, но в сам этот момент происходит выделение *Разума* в сферу *Нормы*. Поэтому написание Археологии *Молчания* возможно через следование *Безумию* в его особом *молчании* или по дороге его изгнания.

Высказывать *Безумие*, не превращая его в объект, дать ему самому высказываться, дать высказаться тому, что по своей сущности не высказывается, выйти в сферу «отсутствия произведения» — значит подойти к пределу и глубочайшему истоку разумного языка, к самой Норме. *Молчание Безумия* не может быть вне произведения: оно не просто незанятое место в отношении к языку и смыслу, оно — *основа их становления, основа-в-подавлении*.

Разумный язык — это особое про-говаривание, в котором рождаются технологии, задающие определенные типы конфигураций и позиций размещения тел в пространстве. Язык Разума — это Язык Желания, которое определено: Желанию дано Имя — «открыта» его сущность. Норма проговаривания определяет то, как Желание пишется, вписывается в тела и души людей, тем самым про-являя процесс движения властной стратегии от *Имени* к *Имени* — от одной складки к другой,— «сворачивает» текст социальности до размеров одного *Имени*, но вновь разворачивает его, создавая новые складки, укрывая саму Власть покровом Тайны.

Язык Власти создает особый *Дискурс* и тем самым *оформляет сам предмет обговариваемого*, то есть в процессе комментирования признается «избыток означаемых над означающими, неизбежно несформулированный остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, оставляющий саму суть, выталкивающий наружу свой секрет»¹. Властное начало разумного языка, подавляющее другие дискурсивные практики, а вместе с этим и выражающиеся

---

¹ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С. 18.

на этих языках желания, возводит себя в ранг Нормы и Закона: *Язык формирует «Истину» Желания*. Власть создает Норму Желания и налагает определенные ограничения на его осуществление, искусственно создает со-стояние нехватки: Желание оказывается повсюду, но не в реальности человеческой жизни, оно становится обобщенной симуляцией, призраком самого Желания (Ж. Бодрийар).

Желание должно поддаваться управлению, поэтому язык, на котором про-говаривают Желание, формируется общей силой — Властью. Человек, его тело, его сексуальность, его болезнь, его поведение — это то, о чем следует говорить, *говорить публично*, постепенно направляя, включая в систему оптимального функционирования: «Секс — это не то, о чем судят, но то, чем руководят»¹. М. Фуко отмечает, что именно секс находится в сердцевине экономической и политической проблемы населения²: «обладающие Властью» замечают, что они имеют дело не просто с отдельными подданными или «народами», но с *наследием*, с его характерными проявлениями — рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, состоянием здоровья, заболеваниями, питанием, жилищными условиями и т. д., — всем тем, что так или иначе вращается вокруг секса.

На уровне дискурсивных практик отслеживается связь индивида с тем местом, которое ему отвела Власть. Именно через *дискурсивное участие* Власть получает *доступ к телу*. М. Фуко отмечает, что *сексуальность является конструкцией, созданной Властью*, а не природной данностью, конструкцией, сложившейся в результате услужливого и внимательного дискурса, который «должен следовать всем изгибам линии соединения души и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти»³. Власть не уничтожает сексуальность, она ее производит как способ оформления плоти индивидов для своего эффективного функционирования в более прозрачном пространстве.

Все пространство — общественное и интимное — пронизано властным взглядом. Создается прозрачная анали-

---

¹ Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. С. 120

² См.: Там же. С. 121.

³ Там же. С. 115.

тическая реальность — человек становится полностью видим, но не видит смотрящего за ним,— это принцип «Паноптикона» Бентама, который выявляет саму механику Власти: автоматизация Власти, лишение ее индивидуальности коренится «в определенном продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренние механизмы которой производят отношения, вовлекающие индивидов»¹.

Посредством использования техники знаков *Власть* экономично и эффективно распространяется по всему телу общества, кодифицирует все возможное поведение, а значит, *уменьшает неопределенную область всех возможных поступков*. Все человеческие жесты и действия рассматриваются как смысловые единицы, которые могут быть рационально объяснены и систематизированы: жесты, мимика, движения тела — это не инстинктивные проявления человеческой природы, а *познаваемая система поведения*, зависящая от уровня развития культуры, это коммуникативные акты, основанные на культурных кодах, которые изучают такие семиотические дисциплины, как *кинесика* (изучение языка действий и жестов) и *проксемика* (изучение значения дистанции между участниками коммуникации).

Дисциплина тела возможна через построение анатомополитики человеческого тела: *политическая технология тела рождается на грани биологического и экономического*. Дисциплина рассматривается М. Фуко как принцип контроля над производством дискурсов, ибо дискурс — это не просто то, через что являют себя системы подчинения, но Власть, которой стремятся завладеть. Создание аналитического пространства, в котором тело подробно изучается во всех со-стояниях, со всех сторон, *задает само направление про-явления тела*. Это предполагает ту особую манеру захвата тела: *если не тело, то душа*, через которую Власть ставит тело, душу, индивидуальность и историю под знак,— *знак логики Вождения и Желания*. Власть берет тело «в охапку», тело производящее, нака-

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 295.

зывающее, казнимое, обучающееся, желающее и вожделеющее...

Становится возможным обозначить место тела, тем самым познать его: можно обвести контур тела непрерывной линией, можно передать его штрихами, можно воспроизвести его в цвете, через игру света и тени — в любом случае тело становится про-явлено, выявлено и прозрачно для Власти. Власть выводит на свет, делает видимыми подчиняемые тела, она выводит то, что необходимо ей для своего функционирования, создавая места насыщения — некие точки и метки в пространстве, на которые реагирует человек, его тело, ибо Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место огромной машины как элемент, который можно разместить, привести в движение, соединить с другими элементами.

Контролируя действия, тщательно скрывая свое присутствие, Власть создает Тайну, ибо она необходима для ее функционирования. М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» акцентирует внимание на изменении про-явления Власти. Власть суверена — это власть отдельного человека, который карает за преступление как за действие против Короны. Но право суверена наказывать из мести превращается в право защиты общества. Властная сила отдельного человека трансформируется в *силу всех*, силу, берущую основание в Законах, в Праве, в Норме и имеющую дело с человеком как выражением общего типа, а не с конкретной личностью. Человек теряет свое *Лицо*, выбирая действие в рамках социальной роли, но это воспринимается им как результат собственного воления, ибо ему необходимо принадлежать миру, обрести точки опоры для того чтобы *жить без проблемы* собственной инаковости по отношению к *Другим*, которая предполагает ответственность за самого себя, *и без ощущения* собственной необязательности для *Других*. Человек признает, что он такой, каким его хочет видеть общество, он теряет *Себя*, свое *Лицо*, но это плата за тот социальный комфорт, который ему предоставляется.

Власть обретает *анонимность*. Можно сказать, что она является выражением мнения всего общества (тип которого она и создала), что она терпима к меньшинству (так как

она нуждается в не-Норме для определения себя самой) и является выражением толерантного отношения, повлиявшего на изменение в самой процедуре наказания, которое постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры.

М. Фуко подробно рассматривает новую взаимосвязь между наказанием и телом, которая уже не такова, какой она была в век публичной казни, где пытка рассматривалась не только как судебный, но как политический ритуал, церемония, в котором Власть показывала себя. Наказание постепенно перестает быть театром, исчезновение публичных казней и пыток означает исчезновение зрелища, но также и ослабление власти над телом. Власть становится «гуманнее». *Казнимое тело было призвано вывести на всеобщее обозрение истину преступления*: «Допрашиваемое под пытками тело являлось и точкой приложения наказания, и местом вырывания истины»¹. Теперь тело служит орудием или посредником: если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью. Физическое страдание, собственно телесная боль больше не являются составными элементами наказания. Точкой приложения становится «душа», которая *постоянно создается* вокруг, на поверхности, внутри тела благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых: «Душа в ее исторической реальности, в отличие от души в представлении христианской теологии, не рождается греховной и требующей наказания, но порождается процедурами наказания, надзора и принуждения»².

Смена точки приложения власти — наказывать — с тела на душу влечет за собой несколько следствий: наказание покидает область повседневного восприятия и входит в область абстрактного сознания; эффективность наказания определяется его неотвратимостью, а не зрелищным воздействием. Тем самым М. Фуко делает вывод, что *правосудие больше не берет на себя публично ответственность за*

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 64.

² Там же. С. 45.

насилие, связанное с его исполнением. Перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией «приостановленных» прав, власть становится «гуманной». В связи с гуманизацией права в системе наказания используется уже не тело, но *представление*, не боль, но *идея* боли: система надзора становится «бдительнее». Однако, отбросив карательные анатомии XVII века, Власть вступила в эру нетелесных наказаний, но при этом она еще тщательнее произвела захват тела — *душа становится тюрьмой тела*.

М. Фуко рассматривает Власть как то, что производит знание; рассматривает анатомию политического тела «как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания»¹. Познание человека ведется во все моменты его жизни, захватывая тело и «душу»; «механика власти» проникает в самые интимные переживания и потаенные уголки сознания, тщательно «обрабатывая» человеческое тело: разрушает его порядок и собирает заново.

Искусство владения человеком, его телом формирует механизм такого отношения, в котором тело становится «послушным» настолько, насколько является полезным, и наоборот. Политика принуждений выстраивается *на уровне захвата самой механики* — движений, жестов, положений тела и т. д., на том уровне, где принятие Властью происходит само собой, естественно. Никакими внешними принуждениями невозможно объяснить то, каким образом люди начинают воплощать тип дисциплинированного, «послушного» тела. Только тонкое манипулирование бессознательными стереотипами позволяет «воспитать» человека. М. Фуко отмечает, что в пространстве Власть-Наказывать использование именно семиотической техники вызвало смещение точки приложения — это более *не тело, а душа*, то есть не тело с ритуальной игрой чрезмерных страданий, торжественных клеймений в ритуале публичной казни, но со-знание, игра

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 43.

представлений и знаков, возникающих необходимым и очевидным образом в сознании всех и каждого. *Знаки Власти надписываются в сознании*, подчиняют тело через контроль над мыслями. Тем самым становится возможной дисциплина, *формирование тела как «послушного»*.

М. Фуко отмечает, что открытие тела как объекта и мишени произошло в классическом XVIII веке. Это выразилось в масштабе контроля: *тело* рассматривалось не в массе, а *прорабатывалось в деталях*, что и дало возможность такого тонкого принуждения,— принуждения на уровне телесной механики. Политическое завоевание тела развивается как «микрофизика» власти, рассматривающая дисциплину в качестве политической анатомии, поэтому Власть формирует некоторую индивидуальность, которая обладает следующими четырьмя характеристиками: «она клеточная (в игре пространственного распределения), органическая (кодирование деятельностей), генетическая (суммирование времени) и комбинированная (сложение сил)»¹.

Власть создает «послушное» тело, определенным образом размещенное в пространстве: через систему отгораживаний, проработки пространства по принципу элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам (каждому индивиду — своя клетка, каждому месту — свой индивид), через кодирование пространства, через корреляцию тела и жеста и т. д. Тем самым *оформляется полезное пространство*, в котором тело предстает как тело-оружие, тело-инструмент, тело-машина, создается дисциплина как искусство распределения тел, извлечения из них энергии и времени, и, самое главное, как искусство наиболее эффективного сложения сил в процессе экономического использования, так как тело захватывается отношениями Власти в первую очередь как производительная сила.

Индивид включен в отношения Власти таким образом, что состояние «Норма» воспринимается как «Благо». *Норма быть «послушным»* — «послушным» Суверену, Закону, Обществу и т. д. превращается не только в Норму «защищать», но и в Норму «наказывать». Право защиты Общества — это

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 244.

право всех — про-является как обязательная Норма не только в век «гуманного» Права, но и в век функционирования Власти как церемониала Казни.

Главным персонажем процесса публичной казни, по М. Фуко, является народ: именно его непосредственное присутствие является условием ее проведения, так как люди должны не только знать, но и видеть собственными глазами: свидетельствуя и наблюдая казнь, они гарантируют ее свершение и сами участвуют в казни. *Месть монарха* должна включать в себя и *мestь народа* — только тогда Власть вос-производит Норму, задает такое отношение, когда не-Норма становится репрессированной самими людьми. Народ призван оказывать содействие королю в воплощении мести его врагам — тогда *он становится причастным к самой Власти*. Народ становится телом Власти, телом ее исполнения и про-явления в жизни: подчиненные люди становятся носителями властных полномочий, они принимают властные отношения за нечто глубоко им причастное, за что они несут ответственность.

После отмены публичных казней Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место огромной машины как элемент, который можно разместить, привести в движение, соединить с другими элементами. Поэтому наказание становится тайной, главное, на что оно направлено,— это *со-знание с его способностью представлять, с воображением*, которое рисует картины самого ужасного для человека — картины небытия, того со-стояния, которое не связано с Нормой говорения и проживания. Но о Норме можно говорить только по отношению к ее *Другому* — к *не-Норме*. В сознании человека Норма и не-Норма предстают как функционирующие *неразрывно* друг от друга: Норма прописывает все возможные состояния этого мира, не-Норма действует через отрицание самой жизни, внушая ужас перед неизвестностью. Норма и не-Норма — это то, что обозначается Властью, она включает в себя обе стороны, она задает эту противоположность для своего функционирования.

Некоторыми исследователями считается, что развитие современной цивилизации ведет к развитию толерантности, которая невозможна в рамках тоталитарных режимов,

нарушающих права политического меньшинства. Но Власть является тоталитарной и толерантной одновременно. Великая задача Ж. Руссо: «Найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как и прежде»¹ — становится отправной точкой в создании величайшей Иллюзии нашего времени — «воспитании» человека как свободного существа, живущего в столь же свободном обществе, в котором индивид делает то, что хочет; но возникает вопрос — хочет ли он того, что не требуется?

Человек стремится быть обнаруженным, спрятаться от бездны в собственной душе, сбежать от Себя, от Ничто, обрести комфортное существование, где все ясно, понятно, расписано и подчинено стратегиям Власти, где анатомия — это судьба, которая задает социальные роли и позиции. Делая видимыми подчиняемые тела, Власть выводит то, что необходимо ей для своего функционирования, — создает места насыщения — точки и метки в пространстве, на которые реагирует человек, его тело и сознание. Власть стремится весь мир превратить в свое Произведение, в Текст, в конечную мысль, как историю, в которой только и может произойти загадочное «похищение» тела и души человека — его плоти. Это начало и смысл изначального властного контроля Буквы над Дыханием — Власти над Жизнью.

Пространство Власти — это всегда пространство ускользающей Тайны. Она изменчива и функционирует через иррациональное, на «разломе» сознания человека, живущего в Мире не только Повседневности, но Реальности иллюзорного Желания, Нормы, заданной самой Властью. Быть нормальным, то есть осуществлять «свои» желания, — это значит быть включенным в историю, говорить на языке определенного Разума, который задает, что нормально Желать, как нормально достигать Желаемого, и то, что не-нормально Желать Запретного. Истина Желания

---

¹ Цит. по: Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2000. С. 28.

не принадлежит самому человеку, он не может говорить на языке своего Желания, ибо общество не может позволить существование множества языков (языка каждого конкретного человека), оно не готово допустить существование других сторон Смысла, Пола, Власти.

Жизнь — это предел Власти: единственное, что не подлжит комментарию,— это жизнь тела, живая плоть, взгляд и Лицо которой не могут быть в мире, поскольку открывают и превосходят мир,— поэтому Жизнь отмечает предел всякой Власти. Манипуляция видимостями, общая симуляция позволяет Власти избежать противостояния с Ничто, создать историю, произведение господства и развития Идей Разума в логике схемы «Древний мир — Средневековье — Новое время», выйти из которой — это стать «письмом, ставшим плотью, театральным иероглифом убить двойника, стереть апо-крифическое письмо, которое, крадя у меня бытие как жизнь, держало меня вдалеке от скрытой силы»¹. Присутствие, Дыхание Жизни, единство Разума и Безумия — все это, соединяясь в Лице человека, выводит его из произведения истории, в которой все лица, лица множества культур, предстают как лица Власти и где поэтому сама Власть — без Лица.

А. М. Конашкова
Екатеринбург

«ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «ТОТАЛИТАРНОСТЬ»: ЛОГИКА СО-В-МЕСТНОСТИ

Не отвергать — не значит выбирать...

Проблема политической толерантности в современных условиях приобретает особую значимость. Это определяется прежде всего ее принадлежностью к глобальной проблеме взаимоотношения личности и общества, социально-нравственных ценностей индивида и ценностей той или

---

¹ Деррида Ж. Вкрадчивое слово // Письмо и различие. М.: Академический проспект, 2000. С. 308.